

ЭДУАРД ПОЛЯКОВ

ПО ЛЮБВИ

РАССКАЗ

Майка нервничала. Она уже лишних полчаса стояла на краю пригородной железнодорожной платформы, от колючего февральского ветра со снегом кутаясь в полы коротенькой меховой шубки, которую она смастерила недавно на модный молодёжный манер из длиннополой материнской шубы.

Колька опаздывал. А ведь следующая электричка до Смолёнова пойдёт только через два часа. Они познакомились год назад во время студенческих каникул в одном подмосковном доме отдыха, пришлось по сердцу друг другу и теперь жили вместе у Кольки в деревне под Москвой в ветхой бабушкиной послевоенной избушке со шведской печкой и дворянкой Тишкой, большой вислоухой собакой, которая в отсутствие хозяев жила сама по себе, бегала без привязи на вольной деревенской волюшке, никого не трогала и ждала своих неугомонных хозяев.

Майка училась в Авиационном, Колька — в Литературном. Он на два года позже неё поступил на первый курс, зато она на четыре года была моложе Кольки.

Сегодня они решили смотаться с лекций пораньше и рвануть на трёхчасовой электричке, чтобы успеть заготовить дров на завтра и ближайшие пару дней. Когда электричка, как беззубая разбойница-старушка, уже свистела на подходе к платформе, из подземного перехода выскочил букет белых роз, из-за которых выглянула, наконец, растрёпанная голова мерзавца-Кольки.

ПОЛЯКОВ Эдуард Николаевич родился в 1969 году в посёлке Тучково Московской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Кандидат филологических наук. Работает в музее-заповеднике "Коломенское". Живёт в Москве. В журнале "Наш современник" печатается впервые.

— Привет, Майчик! Это тебе. Успел... — Они кое-как затолкались в вагон. — Лекция была интересная сегодня. Читали спецкурсе по творчеству Валентина Распутина, заслушался, блин...

Они встали лицом друг к другу. Колька пропихнул руку к своей сумке и попытался было расстегнуть молнию, чтобы достать книгу, но тут на очередной станции ввалилось столько народу, что и его, и сумку приплюснуло так, что рад был и тому, что устоял на ногах. Перед Майкой какой-то высокий мужчина чуть попятился назад, и она тотчас же этим воспользовалась — повернулась к окну, чуть нагнувшись, ловким движением рук выхватила из сумочки тетрадку с ручкой и стала записывать какой-то свой таинственный вязальный узор, считая необходимые петли.

Колька ей по-хорошему завидовал. У него Дмитрий Карамазов едет в Мокрое к Грушеньке. А книгу всё никак не приспособить... Электричка всё дальше и дальше от Москвы.

Вот уже и можно присесть. Ехать ещё час с небольшим. Колька добирается до Достоевского. Через книгу оживает и начинает твориться в душе то неповторимое чувство, которое испытываешь при погружении в мир творчества и мастерство настоящего художника слова. Сердце Кольки отзывается чувству Дмитрия, тонкой грани между безудержной страстью и братской любовью к сестре, которую Колька для себя открыл и обдумывает сейчас. Майка толкает его в бок.

— Коль, обними, я посплю.

Колька обнимает и продолжает читать и раздумывать, листая страницы романа свободной рукой.

В посёлке на станции ветра нет, но идёт снег. На платформе ботинки Кольки и Майкины сапожки торят две ниточки следов, а на автобусной остановке вечерних пассажиров уже ждет урчащий прогревающимся движком рейсовый автобус и стоящая в салоне девушка-кондуктор с не в меру строгим лицом, считающая входящих.

Автобус трогается. Им выходить на четвёртой остановке. Раз. Два. Три. Четвёртая. Автобус с красными огоньками и светящимися жёлтыми окошками вползает куда-то вверх и во тьму за поворот. И всё. Мрак. Только слышно, как идёт снег, и сбоку кто-то бьёт чем-то мягким по ногам. Это Тишка. Дождался. Он рывкает несколько раз от собачьего счастья и исчезает где-то впереди.

Надо идти. Они спускаются с обочины, нащупывая ногами в темноте свою наторённую к дому тропу. Тишке легко: у него собачий нюх и четыре лапы. Там, где не проваливаешься по пояс, и есть тропа. Когда сваливались оба и выкарабкивались ползком, подбегал Тишка, лизал их мокрые лица шершавым языком и опять убегал вперёд, уже по-хозяйски, не растрачивая на пустой лай свои чувства.

Майка несёт букет роз, и аромат цветов смешивается со свежестью падающего снега, который она всё время пытается стряхнуть с них, потому что думает, что те замёрзнут под снегом. Колька отыскивает в темноте полынные и репейные вешки, которые в течение зимы они с Майкой втыкали по дороге.

Шагать надо два километра. Мимо старого кладбища в гору, а потом столько же вниз. А там — Смолёново.

И вот, наконец, перед ними медленно выстраивается силуэт старого двора. Пришли. Колька открывает дверь террасы. Зажигает свет, который после темноты бьёт в глаза жёлтыми брызгами. Они входят в остывшую за день избу и принимаются за дело.

Майка ставит цветы в трёхлитровую банку и на газовую плитку — воду. Наливает чайник. Вода, к счастью, не успела замёрзнуть. Колька кочергой выгребает из подувала печи вчерашнюю золу и закладывает в топку новую порцию дров.

Вскоре по избе тянется мясной дух кипящих в кастрюле и парящих на всю избу пельменей вперемешку с дымом от печки, которая давно уже не дружит с тягой и сдаётся только после нескольких попыток засовывания в отверстие дымохода горящих факелов из старых газет.

Постепенно огонь осваивается в топке и через приоткрытую дверцу отдаёт в избу немного тепла и света. Майка с Колькой садятся у открытой печной дверцы на постеленный на полу полушубок, посередине ставят тарелку пельменей с брошенным сверху кусочком сливочного масла, двумя деревянными ложками по краям, в руках — разломанный надвое батон белого хлеба. Смотрят на потрескивающие в печке поленья и уминают пельмешки с азартом и наперегонки, до последнего. Последний сегодня достаётся Майке. Значит, по жребии ей вставать ночью.

Колька подбрасывает дров ещё и ещё. Сложенная сбоку от печки поленица становится всё меньше и меньше, а тепла в избе всё больше. У печки перед открытой дверцей уже не посидишь. Да и пора идти пилить-колоть.

Остатки пельменей с бульоном и покрошенным хлебом из кастрюли перемещаются в собачью миску, возле которой уже виляет хвостом примчавшийся откуда-то Тишка. Около часа пилят двуручной пилой бревёшки, привезённые из леса в выходные. Колька колет дрова и носит их греться к печке. Потом садятся пить чай с земляничным вареньем. В избе становится совсем тепло. Розы ожили и благоухают на столе рядом с большими чашками.

Майка вспомнила, как летом они с Колькой ползали на карачках в зарослях душистой земляники на дикой лесной поляне. В пластиковых прозрачных ведёрках становилось всё больше и больше крупных спелых ягод, и они, усталые и счастливые, шли вечером домой под нудный писк комарья, чтобы на следующий день заняться приготовлением любимого Майкиного варенья. Майка была счастлива тогда оттого, что делали они это вместе с Колькой. Устали тоже вместе. И варенье у них получилось. И никто не занял во всё время, пока занимались им.

Майка положила ложечку варенья в свой милый всякому взгляду ротик, хитро улыбнулась Кольке, облизывая ложечку, и, поднеся чашку с чаем к губам, вдруг прыснула смехом.

— Ты чего? — спросил Колька, разморённый теплом и ужином, и тоже улыбнулся.

— Коль, а ты представляешь, когда мы поженимся, то через несколько лет у нас родится маленький. Он тоже будет ползать с нами на поляне.

— Ну, и что тут смешного?

Майка продолжала:

— А потом родится ещё кто-нибудь. А потом ещё...

— Ну и что? — Кольку совсем разморило и хотелось спать.

Майка подёрла ладонями щёчки и загляделась на розы. И продолжала:

— Будут они расти, наши сладенькие детки, как ягодки на полянке: подрастут — поспеют, опять подрастут и опять поспеют...

— Да ладно тебе, мечтательница, чего загадывать? К тому времени на поляне уже и ягод-то не будет — всё кустами зарастёт.

— А ты не умничай — юный литератор, лучше посуду помой!

И Майка идёт разбирать постель. Потом они ныряют под холодное ещё одеяло, прижимаются, согревая друг друга. И столько в них в эти минуты достоинства, столько взаимной необходимости и любви, что в целом свете нет людей счастливее Майки и Кольки.

Засыпают они скоро. Майка по последнему пельменю потом встаёт, чтобы закрыть печную заслонку после полностью прогоревших дров и дотлевших углей, делает это во сне, с закрытыми глазами, перелезая через Кольку, шагая по стеночке наощупь туда, а обратно, очнувшись, резвой белкой через Кольку шмыгает под одеяло в своё тёплое гнездышко.

Совсем скоро зазвонят два будильника. Они всегда звонят по очереди и ужасно пугают, но так надо, чтобы не проспять. И опять через поле на автобус, в электричку, в институт.

Через несколько лет они поженятся. Майка родит Кольке дочку и двоих сыновей. И они, точно так, как мечтала Майка, будут собирать землянику на поляне, правда, на другой (прав был Колька — старая заросла). И многое ещё предстоит испытать. На то она и жизнь. И будут жить счастливо. Как в сказке. Правда-правда. Потому как по любви.

КРАСОТА

РАССКАЗ

Однажды летом, помнится, в июне, в самый разгар дачного сезона, вышедшим из автобуса на своей остановке двум мужчинам с сумками и рюкзаками оказалось по пути.

Жили они в одной деревне, ставшей теперь дачным посёлком, правда, не были знакомы до этой встречи, зато потом уже не разлучались и частенько заглядывали друг к другу в гости.

Одного из них звали Пётр Иванович Свирин. Был он невысокого роста, полноват и на коротких ножках быстро семеня по грунтовой дороге, пыля ботинками, поглядывая как-то всё время снизу вверх на своего спутника, который именовался Анатолием Владимировичем Черёмухиным. Этот был худ, длинен, шёл, точно аршином мерил пространство.

Они уже прилично свернули с дороги, когда где-то вдалеке справа свернуло и спустя некоторое время бабахнуло. Приближалась гроза. Черёмухин остановился и, показав рукой в сторону темнеющего свинцом неба, подвёл:

— Я думаю, дорогой землячок, что до своих дач мы с вами сухими так не дотянем. Прямо на поле и застигнет нас дождичек.

— Похоже на то! — отвечал подкрючившийся сбоку Свирин. — Крышу надо искать. Без крыши тяжко будет.

— Да вон рядом заброшенный телятник. Идёмте туда.

Они пробрались сквозь заросли зацветающего борщевика и оказались внутри пахнущего прелью разваливающегося совхозного телятника. Сняли рюкзаки. Сели на них. Черёмухин закурил.

По распластанным жадным до влаги листьям пробежался первый порыв ветра. Пробный. Несильный. Макушки елей в ближайшем перелеске уже кланялись второму порыву стихии, пытаясь выпрямиться при малейшем послаблении крепчающей стихии. Стайка молодых берёзок возле телятника чуть ли не гнулась к земле. Где-то загремело железо. Где-то упало, погромыхивая под ветром. Брызнула молния. И тут же взорвался гром. Кто-то закричал. Стало темно так, что, казалось, наступает ночь с вечерними сумерками и вот-вот совсем уже стемнеет. Дождя всё не было. Его ждали, как разрешения начинающей свой танец стихии. Ветер разметывал всё на своём пути: летало сено, какие-то мусорные пакеты, жестяные банки катились по дороге.

Ударил церковный колокол неподалёку. И вдруг ветер стих. Стало ещё темнее, и было лишь слышно, как, ещё не успокоившись от грозовой атаки, шепчутся растрёпанные деревья и травы.

И вот на листья упала первая капля, за ней другая, и целая стена грозовой влаги ударила в землю. Снова поднялся ветер и закружил всё вокруг, ударяя косыми нахлёстами дождя по всему, что попадалось на пути.

— Ух, силища! — прошептал Свирин, высовываясь на улицу. — Ну, и лупит!

— Хорошо бы ненадолго, а то зарядит до вечера — и не вылезешь, — подошёл Черёмухин и тоже выглянул наружу.

— Гроза. Должна пройти скоро.

Сели опять. Разговорились. И разговор пошёл не о рыбалке, а как это говорится, ну, в общем, ещё об одном интересном предмете — о женщинах, а точнее — о женской красоте.

Свирин рассказал, что женат. Познакомился с женой совсем недавно, два года назад. Ему — сорок, она — моложе на десять лет. Детей нет. И хотел было поинтересоваться у соседа его семейными делами, но тот опередил его вопросом.

— А что для вас красота?

— Это вы сейчас про женщин вообще спросили? — поинтересовался Свирин и заглянул в глаза Черёмухину снизу вверх.

— Ну, да... Женская красота.

— Могу сказать... — Свирин почесал свой влажный затылок. Застенчиво улыбнулся. — Я вот раньше много в электричках ездил по работе. Сядешь в вагон, а напротив тебя сидит какая-нибудь случайная красотка, да такая, что глаз не отвести. Так вот, я даже для себя их сортировать начал — с какой только бы познакомился, с другой посидели бы где-нибудь поболтали, с иной сразу бы пошёл в загс, а некоторые прямо-таки были не в моём вкусе. Я их и по фигурам различал. Какая мне статную породистую лошадь напоминает, другая — как утица на коротких ножках переваливается, ещё одна, словно колобок, и не поймёшь, как это у неё получается...

— А вот я мало подвержен внешнему впечатлению, — включился в разговор Черёмухин. — Я, конечно, не идеалист с платоническим уклоном, но ценю в женщине внутреннюю красоту. Хотя понять её и почувствовать очень сложно.

— А как же тогда? — полюбопытствовал Свирин. — Чем её измерить?

— Лучше всего, конечно, временем... Это я теперь понимаю. А раньше, когда метался в юности в поисках счастья, совсем другие мерки были. И одна мерка-таки мне сгодилась...

— Что за мерочка, интересно? — Свирину становилось любопытно слушать собеседника. Затянутый им разговор возымел продолжение.

— А простенькая мерочка. Сердце. И я благодарен Богу, что дал он мне её. Иначе бы пропал совсем.

— А что, много испытали в жизни?

— Да не особо много... Была у меня одна история... Я в тот год потерял работу. Работал инженером на заводе. Пришёл новый хозяин. Коммерсант. Завод, говорит, теперь мой. Приведу своих. А вы уходите. Осталось только несколько человек. Я в их число не попал. И забухал. Мне было тогда тридцать с небольшим. Пил я не столько от тяги к водке, а было обидно за родной завод, за дело своё, за страну...

Стал всё пропивать подчистую. Мать на меня смотреть не могла. Уехала на дачу жить. Жена с дочкой к теще сбежала. Жить. Развелась со мной тут же, спустя пару месяцев. И остался я в квартире один. Утром встаю. Беру, что есть в доме, — несу продавать. Пью. Не хватает. Несу продавать. Вальсо спать. И утром снова в поход. Так продолжалось почти полгода.

И вот однажды ко мне заходит женщина...

Черёмухин опустил глаза. Видно, вспомнилось что-то такое, что неприятно было вспоминать, но он пересилил себя и продолжал:

— Это она мне потом рассказывала... Мы с ней раньше учились вместе в институте. Дружили. Она у меня была в гостях несколько раз. Помогала с зачетами, курсовыми. Потом как-то разбежались. Но, получается, знала, где я живу. И однажды оказалась поблизости. Решила зайти наобум в гости к студенческому другу. Подошла к дому. Проскочила в подъезд. Поднялась в лифте на мой этаж. Позвонила в дверь. Квартира была не заперта. Я, когда пил, всегда держал её незапертой, боялся чего-то, сам не знаю — чего. Страх замкнутого пространства на меня напал, что ли. Боязнь одиночества. Да и зашёл бы кто ко мне — всё не одному куковать, пообщались бы... Вот она и зашла. И увидела нечто в образе человеческого. Запахи и обстановка в квартире были соответствующие. На кровати валялся грязный и вонючий алкаш, вокруг которого по комнате были разбросаны пустые водочные и из-под всякого прочего "пойла" бутылки. Я лежал на боку лицом к стене и стонал...

Черёмухин передёрнул плечами.

— Ей бы развернуться и уйти. А она, понимаешь, осталась. Она в этом алкаше узнала меня. Повыбрасывала весь мусор из квартиры, полы вымыла. С помощью местных мужиков посадила в свою машину и повезла к себе. Пока тащили меня к машине — мужики ей про меня рассказывали, что, мол, человек я хороший, только не повезло в жизни, вот и сорвался. В общем, очнулся я в бане. Гольй. Она хлестала меня по всем местам жгучим венником, а я только и понимал, что это баня и что меня хлещут. Потом она оттащила меня в постель. И я спал. Сколько — не помню. Но когда проснулся, передо мной на столике стоял графин водки и рюмка.

Я, как тяжелоатлет перед штангой, “попытался взять вес” — поднять рюмку с водкой и опохмелиться, но внутри меня что-то ворочалось, сопротивлялось. Я так и не смог. Вошла она — Надя.

— Проснулся? Ну, милый мой дружок, Васенька, первый день — самый трудный будет у нас. А потом потекут твои денёчки своим чередом, как им и положено, только наберись терпения.

В общем, вытащила меня своими средствами из запоя. И стала женой. Вот и вся история.

— Да-а-а... — протянул Свирин, — “есть женщины в русских селеньях...” Это ж надо, собой пожертвовала... Не понимаю...

— Вот и я сначала тоже не понимал, Пока к сердцу своему не прислушался. А оно как-то по-другому вдруг зажило. Потянулось к Надежде. И не думал я ни о чём, даже когда в загсе расписывались. Она настояла — условие поставила, чтобы не жить мне у неё приживалой, а быть настоящим мужем. Я согласился на это и теперь не жалею. Всё у нас сложилось в семью потом как-то само собой. Нашлась работа. В общем, всё изменилось у меня в жизни. Никогда не попрекнёт лишний раз, не прилипнет с расспросами. Только попросит о чём-нибудь когда, если мужская рука потребуется. Таких, как она, мало на свете, но женщины такие есть. И они прекрасны...

— Ну, да... “А кони всё скачут и скачут. А избы горят и горят”... А в чём же секрет такой красоты? — спросил Свирин, пытаясь понять до конца своего собеседника.

Черёмухин загадочно улыбался.

— А, пожалуй, секрет в капусте. В обычной капусте или в лепестках роз. Как вам больше нравится.

— Растолкуйте. Больно аллегорично рассуждаете...

— А толкую я это так. Вот женщина. Ты живёшь с ней каждый день — она каждый день живёт с тобой. У них, у женщин, свои секреты. Я в них не очень разбираюсь. У вас появляются дети. Потом внуки.

— Ну, и что? Что дальше-то?

— Ну, и всё. Дальше — всё.

— Непонятно. По-вашему — могильный крест после долгой семейной жизни есть вершина существования, апофеоз человеческого счастья?

— Скорее закономерный итог, необходимый итог. Черта, за которой что-то уже другое, непонятное. Но тихое, лёгкое, неизвестное это приходит к вам и селится в уголке вашего сердца ещё в этой жизни. И человек ничего с собой не возьмёт за ту черту, кроме этого неизвестного.

— Душу, что ли, возьмёт?

— Не знаю. Не знаю. Душа — другое немножко. Мне кажется, это какой-то груз, который душа понесёт дальше. У кого-то он есть. А кто-то его ещё в этой жизни порастерял. Важно, чтобы он был у каждого — этот “груз”.

— Ну, теперь я вас понял, — рассмеялся Свирин. — Говорили-говорили, а всё равно пришли к одному. Знаю я про ваш “груз”. Догадался теперь. Вы про любовь сейчас говорили. Это любовь в вас сидит. И вы её чувствуете. А вот мне до этого ещё долго — глух. Глух и каюсь. Ну, и любите на здоровье! Будет у вас чему другим поучиться.

Гроза совсем утихла. Маленький морозящий дождичек ещё сыпал на старый шифер телятника, но за леском уже выглядывало из-за туч жаркое июньское солнце, и с берега на берег через речку замостила волшебной дугой радуга.

— А про капусту с лепестками роз — это вы с какого боку сказали? Для образа какого, что ли? — Свирин высунулся наружу, затоптался, хотел уже выходить.

— Да тут всё просто. Это я по вашему примеру в таких образах представил себе женщину. Для меня она вначале — прекрасная благоухающая роза. Отнимаешь от бутона лепесток — прикладываешь к сердцу. И таешь. И счастлив. А капустой я свою Надежду называл, когда она у меня сыном беременная ходила. Живот на девятом месяце у неё был — как добрый кочан. Шутила всегда: “В капусте нашли нашего Лёшку. Вон какой богатырь!”

И скажу вам по секрету, мой дорогой спутник, в этой капусте ещё столько всего тайного и прекрасного одновременно, что только не ленись — листы отрывай да жуи. На сто человеческих жизней хватит этого запаса женской красоты — только умей любить по-настоящему.

Свирин, кажется, всё понял. Потому что вдруг загрустил. И задумался о чём-то своём с лицом глупенького неудачника.

— Ну, ладно, дождь кончился. Пойдём, что ли? — прокряхтел он, поднимая рюкзак и засовывая руки в ляжки.

— Пойдём, пожалуй. Я вижу, что чем-то вас расстроил... — Черёмухин двинулся за Свириным по сырой, раскисшей от дождя улице.

— Нет-нет. Это я так. О своём...

Они прошли перелесок с осыпанными влагой и капающими елями, поднялись скользкой тропинкой по оврагу на поле. Широко над рекой раскинулась радуга. Черёмухин любовался ей, а Свирин глядел под ноги в задумчивости. На взгорке они остановились. Тропинка вела вниз и рогатиной разбегалась на две стороны, в разные концы деревни.

— Вам по какой? — спросил Свирин.

— Мне направо, — улыбнулся в ответ Черёмухин.

— Я так и знал. Мне налево. Ваш какой дом? — поинтересовался он, глядя направо и вниз, где нагромоздились в беспорядке огороженные заборами чьи-то дачи.

— Отсюда не увидишь. Приходите с женой вечером часиков в восемь к зелёной пластиковой лодке на реке. Мы с женой тоже придём. Познакомимся. Чайку попьём.

— Придём обязательно! Ну, до вечера, сосед!

— Всего хорошего!

Они разошлись. Когда попутчики удалились метров на пятьдесят друг от друга, Свирин окликнул Черёмухина.

— А знаете, я сегодня обязательно скажу своей Любе, что нам нужен ребёнок. Обязательно. И буду звать её Пиончиком. Она у меня такая...

— Вы — поэт! Удачи вам!

Они подружились. Всё лето бегали друг к другу. Хвалились садово-огородными успехами. Давали друг другу самые разные советы. Пиончик забеременела. Свирин был на седьмом небе от счастья. Черёмухин с Надеждой радовались за них, да и сами они были счастливы. Старики говорили, что в нынешний год должна уродиться капуста. Дождей-то сколько!